

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

Джек Лондон

«Public Domain»

1916

Куприн А. И.

Джек Лондон / А. И. Куприн — «Public Domain», 1916

«В первых двух десятилетиях двадцатого столетия ничей литературный успех не может равняться с той всемирной, почти мгновенной славой, которая осияла Джека Лондона, вероятно, неожиданно для него самого. И положил эту сладкую и мучительную обузу к его ногам вовсе не журнальный критик, этот профессиональный, медленный, строгий и трусливый сортировщик рыночного товара, а все тот же чуткий, внимательный, хотя и требовательный и жестокий читатель, ведущий уже давно критику на буксире своих капризных, однако чутких увлечений...»

© Куприн А. И., 1916

© Public Domain, 1916

Александр Иванович Куприн Джек Лондон

В первых двух десятилетиях двадцатого столетия ничей литературный успех не может равняться с той всемирной, почти мгновенной славой, которая осияла Джека Лондона, вероятно, неожиданно для него самого. И положил эту сладкую и мучительную обузу к его ногам вовсе не журнальный критик, этот профессиональный, медленный, строгий и трусливый сортировщик рыночного товара, а все тот же чуткий, внимательный, хотя и требовательный и жестокий читатель, ведущий уже давно критику на буксире своих капризных, однако чутких увлечений.

Вот одно из доказательств правоты нашего мнения. Русская жреческая критика обратила впервые свое громоздкое и снисходительное внимание на Джека Лондона только после появления его романа «Мартин Иден». Роман этот вовсе не плох, скажем более: он вполне достоин своего мощного автора. Но близоруким специалистам кинулись в глаза лишь те этапы, через которые проходит простой, безграмотный человек для того, чтобы необычайными усилиями воли достигнуть и славы, и богатства, и влияния. Но они совсем забыли о том, что двигателем его почти неправдоподобных (и, конечно, все-таки возможных) подвигов над собою и людьми была лишь затаенная любовь к женщине высшей расы. И, несомненно, они не поняли и никогда не поймут того, что Мартин Иден с первых строк романа – моряк в грубом платье, пропитанном запахом моря; Мартин Иден, которому душно в больших комнатах богатого дома, заставленного книгами, роскошной мебелью и безделушками, что этот Иден в сотни раз ценнее, интереснее, смелее и умнее – умом инстинкта – того высокообразованного и славного, но с опустошенной душой Мартина Идена, что вылез в конце романа ночью из пароходного иллюминатора и сознательно потопил себя в глубинах Атлантического океана. И никогда им (критикам) не пришло в голову задуматься: что же такое этот замечательный роман? Дидактическое сочинение, написанное по требуемому серьезному шаблону, или собрание горьких автобиографических черт самого Лондона, вкусившего славы?

А мы в это время успели уже по нескольку раз перечитать и «Белое безмолвие», и «Жители Форт-Майля», и «Закон жизни», и «Женское сердце», и многие другие рассказы, от которых билось сердце, холодели руки, зажигались глаза, и душа переполнялась благодарностью к Лондону, к этому прекрасному художнику, пришедшему из темноты и холода и принесшему нам оттуда преклонение перед красотой мира и могуществом человека. И мы, встречая во многих из этих поэм Севера одних и тех же героев (как их назвать иначе?) – Чарли Ситкинского, Томаса Стивена, Луи Савуа, Меккензи, Мэйсона, великолепного Кида, – мы думали в простоте своей: милосердный бог и потомство простят этим людям и то, что они не раздевались по многу месяцев, и то, что они, по неимению лишнего времени, не штудировали Каутского, и пили много виски, и часто сквернословили и богохульствовали, и то, что на их руках можно было отыскать следы не только звериной и птичьей крови. И мысли наши о них тем более значительны, что мы не сомневаемся в том, что Джек Лондон *сам лично* видел их, сидел у их костров, слушал их эпические воспоминания, пил с ними кофе с самодельными мучными лепешками и с кусками свиного сала, поджаренного прямо на огне, на шомполе. И в особенности эта-то именно достоверность рассказов Д. Лондона и придает его творчеству необыкновенную, волнуемую прелесть убедительности.

Все, кто читают, – а русские читатели в очень большой степени, – как будто изверились (виною литература девятнадцатого столетия) в том, что в человечестве испарилось и выдохлось, пропало навеки героическое начало. Мы уже начали было думать, что человек должен умирать от сквозного ветра, падать в обморок при виде зарезанного цыпленка, не верить в дружбу и в слово, не уважать чужих женщин, не любить чужих детей, прятать от чужих при-

пасы и золото. Мы как будто никогда и не знали, что человек, *каждый человек* может быть вынослив больше, чем дикий зверь, умеет презирать самые тяжелые страдания и смеяться в лицо смерти, но так же справедливо, по неписаному высшему праву, и отнять жизнь у ближнего, и отдать за него свою.

Всех героев Лондона влечет далеко за пределы Полярного круга, в жестокий Клондайк, в страну вечной снежной тишины, где пути в тысячи миль не обозначены ни жильем, ни дорогами, где ночуют в снегу при морозе в шестьдесят пять градусов ниже нуля, – влечет их вовсе не жадность к золоту или мехам, а ненасытная страсть к приключениям, этот благородный протест против духоты, кислоты, себялюбия, трусливости и расслабленности столичных городов. И разве не из этого редкостного теста были замешаны Ливингстон, и Стэнли, и Плиний, и открыватели Северного полюса (вспомним Нансена и Андре!), и первые воздухоплаватели, положившие в цемент великого будущего свою кровь и раздробленные кости?

Нам, именно нам, русским, вечно мятущимся, вечно бродящим, всегда обиженным и часто самоотверженным стихийно и стремящимся в таинственное будущее, – может быть, страшное, может быть, великое, – нам особенно дорог Джек Лондон. И оттого-то у свежей могилы – земной поклон этому удивительному художнику. За веру в человека.

Умер Джек Лондон скоропостижно. И стоит подумать над словами, оброненными кем-то: «Смерть каждого человека похожа на его жизнь».